

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-429-438
УДК 811.161.1

Словообразовательная активизация японских заимствований в современном русском языке

Елена Викторовна СЕНЬКО, Луиза Валерьевна ЦАХИЛОВА

ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. Коста Левановича Хетагурова»
362025, Российская Федерация, Республика Северная Осетия – Алания, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 44-46
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6951-9343>, e-mail: senkoelena@yandex.ru
E-mail: luzaluza@yandex.ru

Word-formation activation of Japanese borrowings in the modern Russian language

Elena V. SENKO, Louise V. TSAKHILOVA

North Ossetian State University named after Kosta Levanovich Khetagurov
44-46 Vatutina St., Vladikavkaz 362025, Republic of North Ossetia – Alania, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6951-9343>, e-mail: senkoelena@yandex.ru
E-mail: luzaluza@yandex.ru

Аннотация. Проблематика работы связана с исследованием процесса заимствования, который в связи с протекающим на всех уровнях жизни российского общества процессом глобализации выдвигается на первый план как фактор современного языкового развития. В качестве предмета исследования рассмотрены лексические единицы, транслируемые в русскую языковую систему из японского языка. Источником исследования послужили словари иностранных слов, неографические справочники, а также толковые словари, отражающие языковые изменения. Кроме того использовались данные Национального корпуса русского языка и электронных СМИ, наиболее активно обеспечивающие вхождение иноязычий в русский язык. Материал представляет собой японские инолексемы, репрезентирующие разные варианты общенародного языка – стандарт (литературный язык) и субстандарт. Цель исследования – показать функциональные сдвиги в системе современного русского языка на примере японских слов, вошедших в русский лексический фонд и усиливших свою деривационную активность как показатель роста их креативных способностей в языке-реципиенте. Установлено, что словообразовательная активизация японских заимствований в современном русском языке отражает, безусловно, процессы интернационализации и глобализации в речевой культуре и социуме, а также характерное для современного медийного словопроизводства активное сочетание исконных и иноязычных строевых элементов. Отмечено, что в настоящее время именно сфера интернет-коммуникации протезирует функционированию словарных инноваций и тем самым активизирует лексическую динамику русского языка, акцентируя соответствующую сторону его интернетизации.

Ключевые слова: актуализация; дериват; дериватор; деривационная активность; заимствование; словообразование; японизм

Для цитирования: Сенько Е.В., Цахилова Л.В. Словообразовательная активизация японских заимствований в современном русском языке // Неофилология. 2020. Т. 6, № 23. С. 429-438. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-429-438

Abstract. Problematics of the work is connected with the study of the borrowing process, which, due to the process of globalization taking place at all Russian society's levels of life, is highlighted as a factor of modern language development. As a subject of research, lexical units translated into the Russian language system from the Japanese language are considered. Research source are dictionaries of foreign words, neographic reference books, as well as explanatory dictionaries reflecting language changes. In addition, data were used from the Russian National Corpus and electronic media, which most actively provide the entry of a foreign language into the Russian language.

The material is Japanese foreign-language lexemes representing different versions of the common language – the standard (literary language) and the substandard. The aim of the research is to show the functional changes in the system of the modern Russian language on the example of Japanese words that are included in the Russian lexical fund and which strengthen their derivative activity as an indicator of their creative abilities' growth in the recipient language. It has been established that the word-formation activation of Japanese borrowings in the modern Russian language certainly reflects the processes of internationalization and globalization in speech culture and society, as well as the active combination of native and foreign combat elements characteristic of modern media production. It is noted that at present it is the sphere of Internet communication that protects the functioning of dictionary innovations and thereby activates the lexical dynamics of the Russian language, emphasizing the corresponding side of its Internetization.

Keywords: actualization; derivative; derivative; derivational activity; borrowing; word formation; japaneseism

For citation: Senko E.V., Tsakhilova L.V. Slovoobrazovatel'naya aktivizatsiya yaponskikh zaïmstvovaniy v sovremennom russkom yazyke [Word-formation activation of Japanese borrowings in the modern Russian language]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 23, pp. 429-438. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-429-438 (In Russian, Abstr. in Engl.)

ВВЕДЕНИЕ

Общепризнано, что общественно-политические и этнопсихологические переломы, несомненно, обуславливают значительную интенсификацию процессов в системе того или иного языка. Лексика, в которой динамизм заложен как её онтологически присущее качество, занимает в этом отношении особое место, так как степени проявления лексической нестабильности и социальных сдвигов пропорционально зависят друг от друга. Данное обстоятельство объясняется таким изначально присущим лексике качеством, как непосредственная связь с объективной реальностью. В силу этого настоящий этап в жизни современной России, связанный с очень значительными переменами, обусловил соответствующие перемены в языковой картине мира.

В составе лексических категорий, которые активно влияют на мировоззрение современных носителей русского языка, безусловно, следует выделить новые иноязычия, которые транслируются в русскую языковую систему различными языками-донорами и представляют собой не что иное, как контр-сознание, ибо маркируют явно выраженные изменения ценностной системы современных носителей языка.

Русский язык всегда был демократичен по отношению к лексическим единицам, проникающим в его систему из разных языков-доноров, однако на общем фоне потока иноязычных слов в разные исторические

эпохи всегда наблюдалось предпочтительное отношение к тому или иному языковому донору. Сегодня английский язык, фактически ставший языком межнационального общения всего современного человечества, находится в центре мирового языкового внимания. Вместе с тем следует отметить сформировавшуюся и ставшую уже достаточно заметной конкуренцию англо-американского влияния и восточных языков-доноров; отметим при этом, что ориентализация характерна не только для русского языка; будучи характерной и для других языков, она приобретает интернациональный характер.

Изменения функционального типа в лексике современного русского языка достаточно активны, в силу чего данная проблема представлена в работах многих исследователей, в частности В.Г. Гака, А.И. Дьякова, Е.В. Скворецкой, Е.А. Земской, Н.Д. Кручинкиной, Е.В. Мариновой, Е.А. Потаповой, И.А. Стернина и др. Как правило, указанные системные изменения инолексем рассматриваются на англо-американском материале. Так, О.В. Милованова, опираясь на данные толковых словарей, исследовала процесс лексической актуализации в русском языке новейшего периода [1]. Е.В. Маринова подробно рассматривает новые явления в морфологии и словопроизводстве иноязычных слов [2]. В качестве предмета исследования актуализированной лексики выступает и её описание в лексико-тематическом аспекте [3], в общем контексте лексических процессов современного русского языка [4], с точки

зрения активности заимствованных морфем и особенностей их функционирования в русской языковой системе [5] и т. д. Отдельные работы посвящены восточным заимствованиям, в частности установлению категориального статуса заимствований из японского языка, анализу их функционирования и когнитивно-прагматических особенностей [6; 7], Р.И. Хашимов исследует реактивизацию восточной лексики [8].

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Цель статьи – констатировать функциональные трансформации в современной языковой системе, используя в качестве фактического материала японские лексические единицы, вошедшие в русский лексический фонд и усилившие свою деривационную активность как показатель роста их креативных способностей в языке-реципиенте. Для достижения поставленной цели использовались как общенаучные методы, в частности (наблюдение, рассуждение, сопоставление), так и специальные: описательно-синхронный, системно-структурный, метод деривационного анализа; для оценки результатов исследования использовались приемы количественной обработки данных. Источником выявления дериватов послужили толковые динамические словари, отражающие различные языковые изменения в современной русской лексической системе, словари иностранных слов, а также современные СМИ, в том числе электронные. Кроме того были использованы дериваты, зафиксированные в Национальном корпусе русского языка. Общий объём анализируемых японских вхождений, функционирующих как в русском стандарте, так и в субстандартном словарном составе, составил 125 лексических единиц.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Русский язык всегда был «переимчивым и общежительным», отдавая при этом на разных этапах своей диахронии предпочтительное определённым языкам-донорам: немецкому, французскому, англо-американскому. В последнее время в группе «модных» языков появился японский язык; результат возникновения нового вектора языкового вкуса – уси-

ление японского влияния на русскую лексику. По данным лексикографических источников, японских слов в русском вокабуляре сравнительно немного, однако всё возрастающее в мире внимание к культурно-исторической жизни Японии способствует усилению экспорта японизмов в русский словарный состав. В настоящее время появились и другие, в частности социально-экономические, причины расширения сотрудничества России с восточными странами, в том числе с Японией. Указанное обстоятельство представляется особенно интересным, так как на мировой арене Япония предстаёт как государство, в известной степени обособленное, при этом удачно сохраняющее на фоне процесса глобализации свои национальные традиции и нравственные ценности. Сказанное способствует процессу актуализации восточных слов в современном русском языке, который свидетельствует об изменении характера функционирования слов как единиц системы.

В современных словарях приводится следующая дефиниция слова *актуализировать*: «Делать что-либо актуальным, злободневным» [9], то есть важным, существенным для данного момента. Исходя из данной дефиниции, можно сказать, что главным признаком актуализированной лексики является её социальная значимость в силу адекватности указанного словарного корпуса современным нравственным маркерам. В связи с этим формирование корпуса актуализированной лексики обеспечивают такие экстралингвистические и психологические факторы, как важнейшие социально-политические явления и ценности современной России. В частности, усиление значимости японских лексем в языковом сознании носителей русского языка выражается в том, что транслируемые в русскую языковую систему японские лексемы всё чаще приобретают статус механизма, обеспечивающего осуществление собственно номинативной функции словообразования, свидетельствующей в свою очередь о тех или иных качественных сдвигах в системной организации русской лексики. Словообразовательные процессы, обеспечиваемые японскими дериваторами, репрезентируют, с одной стороны, креативные способности японских деривационных единиц, а

с другой – подчёркивают актуальные фрагменты понятийной картины жизни современной России, то есть заимствуемые из японского языка слова, утрачивая изолированную позицию, изменяют свой статус в языке-реципиенте в силу вхождения обозначаемого ими денотата в российскую действительность. Не случайно исследователи современной деривации отмечают, что «в словообразователно маркированных единицах языка прочитывается богатейшая информация о системе ценностей русского народа, раскрываются особенности его мировидения, мироощущения и мировосприятия» [10, с. 222].

Словообразовательная активизация японских заимствований как один из механизмов стимуляции восточных неолексем представляется особенно значимой, так как она репрезентирует деривационное «сотрудничество» абсолютно разных по своей типологии языков. Несмотря на такие «типологические препоны», попадая в язык-реципиент и становясь частотными в речи, японские заимствования подчиняются русским словообразовательным нормам, начинают проявлять деривационные способности и становятся дериваторами для многих новых слов.

Главным порождающим механизмом для всех производных, возникших на базе японских лексем, является аффиксальная деривация, а именно суффиксация. Сказанное мотивируется тем, что аффиксальный дериват выступает и в качестве новой формы, и в качестве нового смысла, нового знания, благодаря тому, что в его структуре именно в суффиксе кодируется понятийное содержание.

Наиболее многочисленной группой японских дериватов являются названия субстантивного типа (75 примеров), что обусловлено их категориальным значением, то есть присущей им назывной функцией как словам субстанционального типа; это соответствует тому, что генезис инноваций прежде всего обусловлен необходимостью обозначать возникающие новые предметы.

В процессе деривации субстантивов наиболее востребованным предстает суффикс *-ист-*, в связи с чем основная группа дериватов представлена названиями лиц, которые мотивируются нарицательными существительными и называют лицо по сфере занятий, интересов, названных мотивирующим словом.

См., например: *кабуки* → *кабукист* «актер театра Японии, представляющего собой синтез пения, музыки, танца и драмы»: *Он полный бяка, который гнёт и крутит палки направо и налево, как кабукист с нунчаками... так он ещё наносит друзьям и соратникам глубокие личные оскорбления...* (Помогите модераторам! – Просмотр темы-СНК – Games//snk-gamts.netforums/viewtopic.php...); ...зная Альти, мы не можем знать наверняка, какие интриги сей кабукист плетёт (Чайочные воины: Пробуждение чайка. – Просмотр темы... // snk-games.netforums/viewtopic.php...);

оригами → *оригамист* «специалист по декоративно-прикладному искусству складывания фигурок из бумаги»: *Оно может объединять детский и взрослый интересы... восточные и западные традиции культуры. Оригамист – это профессия? Нет такой профессии. Оригами не считается профессиональной образовательной дисциплиной* (Национальный корпус русского языка);

суши → *сушист* «специалист по приготовлению блюда традиционной японской кухни из риса и различных морепродуктов, а также других ингредиентов»: *Суши – отдушина гурмана. Чем примечательны суши и как их готовят? На вопросы отвечает старший сушист ресторана «Якитория» Дмитрий Чичеров* (Национальный корпус русского языка).

Ср. также:

бонсай → *бонсаист* «мастер по выращиванию точной копии настоящего (иногда карликового) дерева в миниатюре»;

сашими → *сашимист* «кулинар, специализирующийся на изготовлении сашими, блюда национальной японской кухни, обычно изготавливаемого из филе разнообразных сортов рыб».

В дериватах, мотивированных субстантивами на конечную гласную *-и* (й), происходит совмещение суффикса *-ист-* с указанной финалью. Что касается дериватов, которые порождаются именами существительными, имеющими на конце основы другие гласные, то в соответствии с правилами русского словообразования последние в дериватах должны отсутствовать [11, с. 189]. Вопреки данному нормативному требованию японские лексемы, как правило, демонстрируют наращение основ мотивирующих слов:

айкидо → *айкидоист* «тот, кто занимается айкидо, владеет приёмами японского боевого искусства как синтеза боевых искусств, философии и религиозных убеждений», *дзюдо* → *дзюдоист* «спортсмен, занимающийся дзюдо», *каратэ* → *каратэист* «специалист по каратэ», *кэндо* → *кэндоист* «профессионал в сфере боевого искусства японского фехтования на бамбуковых мечах», *нэцкэ* → *нэцкэист* «мастер по изготовлению миниатюрных скульптур, произведений японского декоративно-прикладного искусства, представляющих собой небольшой резной брелок», *отаку* → *отакуист* «фанат/человек, увлечённый в какой-либо сфере, не обязательно увлечение аниме», *ранобэ* → *ранобэист* «поклонник популярной японской литературы различных жанров, отличающейся преимущественно фантазийным сюжетом, обилием диалогов», *сумо* → *сумоист* «спортсмен, занимающийся сумо». Конечно, в данном словообразовательном типе есть и некоторые другие модельные варианты, например: *икебана* → *икебанист*, *кэндзю* → *кэндзист*, *рэндзю* → *рэндзист*, в которых финальные гласные в дериватах отсутствуют, но такие модели немногочисленны. Возможно, что свободное словообразовательное «поведение» японских дериваторов, при котором производство от существительных с финалью на гласный происходит без внешне выраженных изменений мотивирующей основы, обусловлено агглютинативным характером японского языка, где прилепы прикрепляются к основе слова механически.

Более редко присоединяются к основам японских слов суффиксы -ник-, -щик-, -ец-, порождая стилистически сниженные номинации: *аниме* «японская анимация» → *анимешник* «поклонник аниме», *отаку* → *отакушник* «фанат»; *дорама* «название телесериалов, выпускаемых в Восточной Азии» → *дорамщик* «любитель дорам», *косплей* «реинкарнация в различные роли, заключающаяся в переодевании в костюмы и отыгрывании характера, мимики персонажей компьютерных игр, кинематографа, литературных произведений, комиксов, аниме, манги» → *косплейщик* «человек, увлекающийся косплеем»; *караоке* «развлечение, заключающееся в любительском пении с использованием устройства, позволяющего петь под

заранее записанную музыку; также само устройство» → *караокевец* «любитель караоке».

См., например: *Что означает слово «дорамщики»? Последнее время часто слышу это слово в сети, «дорамщик», кто они? Как оказалось, словом дорамщик определяют людей – любителей японских телевизионных сериалов... (Что означает слово «дорамщики»? // bolshoyvopros.ru/question/769974...doramshiki...); Отакушник, это кто такой? Обозвали меня таковым... вот не знаю, радоваться или обижаться (Ответы@Mail.ru. Отакушник... // otvet.mail.ru/question/69261205).*

Низкая порождающая способность суффиксов -ник-, -щик-, -ец- обусловлена тем, что данные форманты специализируются, как правило, на порождении наименований лиц по их социальной деятельности, а не по признаку «сфера личных интересов» [4, с. 103-104].

Следует заметить, что в процессе производства личных наименований можно констатировать способность дериватора порождать варианты номинации с тождественным лексическим значением; см., например: *айкидоист* и *айкидошник* (*айкидошник*, *айкидист*, *айкидёр*), *каратист* и *каратэист*, *караокевец* и *караокер*, *косплейщик* и *косплеер*. Конечно, такая вариативность сохраняется на первых этапах функционирования чужого слова в русской языковой системе, что является вполне оправданным с точки зрения степени его адаптации в языке-реципиенте: *Оказывается, наш герой не только каратист, бизнесмен, политолог, но ещё и знатный филолог и историк (Национальный корпус русского языка); А вот как называть крутого парня в кимоно, так до конца и не решили: каратист, каратэист, каратэдоист, каратэка или каратека-дока (Национальный корпус русского языка).*

Имена признаков – второй показатель порождающих возможностей транслируемых в русский язык японских лексем (50 примеров). Данное обстоятельство представляется вполне закономерным, так как среди новых дериватов, как уже указывалось, преобладают имена существительные, для которых первая деривационная ступень в порождении нового слова есть производство относительного прилагательного. Такого типа имена

признаков, употребляясь в речи, отражают разнообразные связи реалий, обозначенных производящими субстантивами, в связи с этим значения относительных имен прилагательных носят разный характер, мотивируемый лексическим значением производящего имени существительного. Как отмечала Е.А. Земская, новые относительные имена прилагательные, появившиеся в русской лексике в конце XX века, имеют следующие актуальные семы: «предназначенный для того, что выражено производящим словом», «сделанный из...»; дериваторами такого рода относительных прилагательных являются имена существительные, имеющие значение отвлечённого действия или же представляющие собой названия различных материалов [4, с. 126].

Адъективы, порождённые актуальными для русского языка первой четверти XXI века японскими заимствованиями, демонстрируют несколько иную словообразовательную картину. Среди дериватов главную роль играют прилагательные со значением «относящийся к лицу или к конкретному предмету»: *Швейцария – это ухудшенный клон «Интера»... Два раза за весь матч швейцарцы ...забили какой-то сумоистский гол...* (Национальный корпус русского языка); *Это трактуется как грубость и наказывается двухминутным штрафом. Каратистский удар Нестерова не тянул на матч-штраф? Нет. Это тяжёлый случай для арбитра* (Национальный корпус русского языка); *Лучшими сортами сакэйного риса считаются «Ямоду нисики» и «Омати»* (Сакэ // fudz.ru post/3063); *Этот сад великолепен в любое время года. ...Сакурные деревья в пору своего цветения придают саду особый колорит* (Цветение сакуры в Японии, праздник любования сакурой // comfortasia.net>misc>tsvetenie-sakury-3233).

Как показывают наши материалы, производные имена признаков тоже образуются суффиксацией. Используются регулярные русские суффиксы -н-, -ов-, -ск-. Среди них наибольшую продуктивность демонстрирует суффикс -н-, который чаще всего присоединяется к производящей основе иноязычного неодушевленного имени существительного: *айкидоишная практика, самооборона (от айкидо), бонсайный горшок, грунт (от бонсай),*

васабийный соус, цвет (от васаби), кавайный сувенир, товар (от кавай), касплейный костюм, магазин (от касплей), мангаишный персонаж, рисунок (от манга), рэндзийный мир, рэндзийная теория (от рэндзю), сакурный лес, пейзаж, период (от сакура), сакэйный завод, рис (от сакэ), сапсанный вагон, путь (от сапсан), якудзийный переводчик, якудзинская солидарность (от якудза) и др.

Менее продуктивны суффиксы -ск- и -ов-; первый используется в процессе деривации адъективов от одушевлённых имён существительных; второй, как и суффикс -н-, – от субстантивов противоположного лексико-грамматического разряда;

см., например: *кэндоист → кэндоистский, икебанист → икебанистский, сумоист → сумоистский, ниссан → ниссановый, мазда → маздовый: Правила составления икебаны не пятиминутное дело, этому и вправду учатся долго, некоторые всю свою жизнь, хотя каждый икебановый учебник напоминает, что «глаз и сердце творца букета не должны быть в рабском плену у правил»* [Икебана – арт для души и постижение дзена: // cheaptrip...cheaptrip.livejournal.com>...].

В процессе словообразования может наблюдаться такая особенность суффиксальной деривации, как параллельное возникновение на базе одной и той же иноязычной лексической единицы имён признаков, различающихся словообразующими формантами:

-н- и -ов-: *маздаишный – маздовый, ниссановый – ниссанный, сапсанный – сапсановый (маздовый автосалон, автодром, дилер и маздаишный (ая) мотор, навигация);*

-ск- и -н-: *айкидоистский – айкидоишный, бонсаистский – бонсайный, икебанистский – икебановый (см., например: айкидоистский термин, айкидоистская техника и айкидоишная практика, самооборона).*

Следует, однако, отметить, что подобные параллельные образования не всегда являются дублетными, поскольку отличаются не только формально, но и семантически: образования с суффиксом -ск- имеют значение «относящийся к лицу», а с суффиксом -н- – «относящийся к явлению»; ср.: *бонсаистский подвиг, бонсаистское пособие и бонсайный горшок, грунт; икебанистский мир и икебановый пейзаж, учебник.*

Новые прилагательные, расширяя сочетаемостные характеристики слов, ведут к обновлению синтагматических отношений в системе русского языка, а также в свою очередь становятся производящей базой для словопроизводства. В результате возникают новые словообразовательные гнезда. Например, среди поклонников аниме очень популярно слово *кавай* «букв. милый, славный» (встречается также вариант написания: *кавайи*). Производящие способности данного японизма реализовались в целом ряде дериватов: *кавайный, некавайный, кавайненько, кавайист, кавайить*, не имеющих соответствий в японском языке (А.Х. Габдуллина): *Исторически же, кавайная одежда появилась именно на Руси, шапка-ушанка тому доказательство...* (Кавай –Lurkmore // lurkmore.to)Кавай).

На базе популярного термина *аниме* в русской речи возникли родственные *анимешник и анимешница, анимка* (собрание анимешников) и *анимешничать* (совершать какие-либо действия по отношению к аниме, например, обсуждать аниме (А.Х. Габдуллина)).

Не осталось в стороне и популярное у поклонников аниме слово *ня*, соответствующее русскому звукоподражанию *мяу*, которое в силу языковой моды стало прибавляться к любому высказыванию, что привело к возникновению на русской почве глагола *някать*. Кроме данного глагола, в словообразовательном гнезде представлены ещё имена существительные *няка, няк или няшка* и имя прилагательное *няшный*, соответствующие словам *симптяга, милый, прелестный*: *Дело в том, что в японском «ня» – это вариант кошачьего «мяу», так они называют всё умиленное. В русский язык в связи с популярностью аниме проникло сначала само «ня», а потом появились и его производные: «няша», «няшный». Причём последние словоформы прижились лучше оригинала* (Национальный корпус русского языка).

Вершины приведённых новых словообразовательных гнезд – иноязычные слова, но сами словообразовательные гнезда являются исконными в силу того, что образованы дериватами, возникшими на русской почве. Тем не менее вершины данных гнезд в русском языке выходят за пределы лексической нормы, хотя в языке-доноре они являются общеупотребительными.

Словообразовательная активизация японских заимствований в современном русском языке отражает, безусловно, процессы интернационализации и глобализации в речевой культуре и социуме, однако можно говорить ещё об одной наметившейся тенденции, обусловленной характерным для современного медийного словопроизводства сочетанием исконных и иноязычных словообразовательных элементов. Действительно, в процессе деривации от японских производящих основ во многих случаях используется русский строительный материал (суффиксы -н-, -ов-, -овец-, -ск-), а также исконные суффиксальные модели русского языка, которые «несут на себе характерный отпечаток именно исконно русских, культурно-обусловленных способов языковой концептуализации мира» [12, с. 27]. Возможно, следует высказать мысль о «строевой креализованности» на словообразовательном уровне современной русской языковой системы (ср. [13]).

Кроме того, можно отметить действие ещё одного вектора современной лексической динамики в системе русского языка. Как показывают наши материалы, подавляющее большинство дериватов, возникших на базе японских заимствований, активно функционирует в особой коммуникативной среде, а именно в сфере интернет-коммуникации. Данное обстоятельство говорит о том, что не только традиционные СМИ, заметно изменившие свой характер, но и новые формы коммуникации XXI века (в частности, Интернет) приобретают явно выраженную актуальность и вливают в уже привычные словообразовательные типы свежий словарный материал (ср. также: [14; 15, с. 49]). Результат данного процесса – проникновение в кодифицированные области коммуникации единиц языковой периферии, в частности того или иного субстандарта. А.Х. Гаюдуллина отмечает, что «данный процесс активно прогрессирует: за несколько десятилетий количество субстандартных японизмов, вошедших в лексикон российской и европейской молодежи, превзошло общее количество заимствований из японского языка за прошедшие сто пятьдесят лет» [7, с. 266]. Сказанное представляется вполне объективным явлением; еще Л.В. Щерба отмечал, что «именно... высказывания с отметкой «так не

говорят», которые он называл «отрицательным языковым материалом», представляют одну из главных частей инвентаря любого языка» [16, с. 48]. По словам Л.В. Щербы, роль такого некодифицированного материала очень значительна: именно этот материал «грызёт норму», то есть является основным механизмом языковой динамики. Следовательно, в настоящее время интернет-коммуникации играют главную роль в лексической динамике русского языка. Однако в данном случае речь идёт не об интенсивном пополнении русского вокабуляра лексическими единицами интернет-жаргона, а о том, что именно данная сфера коммуникации активно протежирует функционированию словарных инноваций (хотя указанные две функции интернет-общения, безусловно, взаимообусловлены, о чём свидетельствует материал сравнительно недавно вышедшего «Словаря языка Интернета.ру») [17]. Следовательно, можно говорить о новой стороне «интернетизации» русской лексики.

ВЫВОДЫ

Таким образом, трансляция японских слов в лексическую систему русского языка

заметно интенсифицировалась, что обусловлено социально-политическими и психологическими факторами языкового развития. Изменяющиеся действительность и мировосприятие, требуя новых наименований, активизируют, в свою очередь, определённые звенья словообразовательной системы языка, обеспечивая сложные и многообразные отношения единиц разных языковых систем, репрезентирующие социальные и этнокультурные предпочтения, отражённые в языке-реципиенте. Наряду с традиционными СМИ, модернизированными в соответствии с требованиями времени формально и содержательно, интернет-коммуникации являются наиболее активной сферой функционирования производных инноваций, в том числе субстандартного характера. Протежируя коммуникативной целесообразности последних, они тем самым играют главную роль в лексической динамике современного русского языка. Это свидетельствует о функциональной «интернетизации» русской лексики, обуславливающей в свою очередь мысль об активизации «строевой креализованности» на словообразовательном уровне современной русской языковой системы.

Список литературы

1. Милованова О.В. Актуализированная лексика русского языка новейшего периода: по материалам толковых словарей: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2001. 23 с.
2. Маринова Е.В. Адаптация иноязычной лексики на современном этапе: новые явления и тенденции // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 6-2. С. 399-403.
3. Дворцова А.Н. Китайские заимствования в русском языке // Взаимодействие языков и культур: доклады 4 Междунар. науч. конф. Череповец, 2017. С. 63-69.
4. Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 2000. С. 90-141.
5. Потапова Г.А. Функционирование иноязычных морфем в русском языке на рубеже XX–XXI веков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2014. 24 с.
6. Габдуллина А.Х. Категориальный статус заимствований из японского языка // Состояние и перспективы лингвистического образования в современной России и за рубежом: доклады 2 Междунар. науч.-практ. конф. Ульяновск, 2015. С. 35-38.
7. Габдуллина А.Х. Японские заимствования в современном информационном пространстве // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2012. № 3. С. 259-268.
8. Хашимов Р.И. Восточная лексика и её реактивизация // ФИЛОЛОГОС. 2012. № 1. С. 102-109.
9. Крысин Л.П. Современный словарь иностранных слов. М.: АСТ-Пресс, 2020. 416 с.
10. Вендина Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М.: Индрик, 1998. 240 с.
11. Русская грамматика: в 2 т. / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. 783 с.

12. Радбиль Т.В., Рацибурская Л.В. Словообразовательные инновации на базе заимствованных элементов в современном русском языке: лингвокультурологический аспект // Мир русского слова. 2017. № 2. С. 33-38.
13. Тумакова Е.В. Креолизованный текст в художественном и медийном дискурсе // Мир русского слова. 2016. № 2. С. 13-19.
14. Маркова С.М. Роль СМИ в креативизации лексики современного русского языка // Вестник Московского государственного областного университета. 2017. № 1. URL: <http://www.evestnik-mgou.ru> (дата обращения: 18.04.2020).
15. Рацибурская Л.В., Торопкина В.А. Актуальные коммуникативные тенденции в современном медийном словотворчестве // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2019. № 2. С. 41-51.
16. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. 427 с.
17. Кронгауз М.А., Литвин Е.А., Мерзлякова В.Н. и др. Словарь языка интернета.ru. М.: АСТ-Пресс, 2016. 287 с.

References

1. Milovanova O.V. *Aktualizirovannaya leksika russkogo yazyka noveyshego perioda: po materialam tolkovnykh slovarey: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Actualized Vocabulary of the Russian Language of the Latest Period: Based on Materials from Explanatory Dictionaries: Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Voronezh, 2001, 23 p. (In Russian).
2. Marina E.V. Adaptatsiya inoyazychnoy leksiki na sovremennom etape: novyye yavleniya i tendentsii [The adaptation of foreign vocabulary at the present stage: new phenomena and trends]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 2011, no. 6-2, pp. 399-403. (In Russian).
3. Dvortsova A.N. Kitayskiye zaimstvovaniya v russkom yazyke [Chinese borrowings in the Russian language]. *Doklady 4 Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Vzaimodeystviye yazykov i kul'tur»* [Proceedings of the 4th International Scientific Conference “The Interaction of Languages and Cultures”]. Cherepovets, 2017, pp. 63-69. (In Russian).
4. Zemskaya E.A. Aktivnyye protsessy sovremennogo slovooproizvodstva [Active processes of modern word production]. *Russkiy yazyk kontsa XX stoletiya (1985–1995)* [Russian Language of the late 20th Century (1985–1995)]. Moscow, 2000, pp. 90-141. (In Russian).
5. Potapova G.A. *Funktsionirovaniye inoyazychnykh morfem v russkom yazyke na rubezhe XX–XXI vekov: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The Functioning of the Foreign-Language Morphemes in the Russian Language at the Turn of the 20th – 21st Centuries: Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Moscow, 2014, 24 p. (In Russian).
6. Gabdullina A.K. Kategorial'nyy status zaimstvovaniy iz yaponskogo yazyka [Categorical status of borrowings from the Japanese language]. *Doklady 2 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Sostoyaniye i perspektivy lingvisticheskogo obrazovaniya v sovremennoy Rossii i za rubezhom»* [Proceedings of the 2nd International Scientific and Practical Conference “The State and Prospects of Linguistic Education in Modern Russia and Abroad”]. Ulyanovsk, 2015, pp. 35-38. (In Russian).
7. Gabdullina A.K. Yaponskiye zaimstvovaniya v sovremennom informatsionnom prostranstve [Japanese borrowing in the modern information space]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University*, 2012, no. 3, pp. 259-268. (In Russian).
8. Khashimov R.I. Vostochnaya leksika i ee reaktivizatsiya [Oriental vocabulary and its reactivation]. *FILOLOGOS – PHILOGOS*, 2012, no. 1, pp. 102-109. (In Russian).
9. Krysin L.P. *Sovremennyy slovar' inostrannykh slov* [Modern Dictionary of Foreign Words]. Moscow, AST-Press Publ., 2020, 416 p. (In Russian).
10. Vendina T.I. *Russkaya yazykovaya kartina mira skvoz' prizmu slovoobrazovaniya (makrokosm)* [Russian Language Picture of the World Through the Prism of Word Formation (Macrocosm)]. Moscow, Indrik Publ., 1998, 240 p. (In Russian).
11. Shvedova N.Y. (chief ed.). *Russkaya grammatika: v 2 t. T. 1. Fonetika. Fonologiya. Udareniye. Intonatsiya. Slovoobrazovaniye. Morfologiya* [Russian Grammar: in 2 vols. Vol. 1. Phonetics. Phonology. Accent. Intonation. Word-formation. Morphology]. Moscow, Nauka Publ., 1980, 783 p. (In Russian).
12. Radbil T.V., Ratsiburskaya L.V. Slovoobrazovatel'nyye innovatsii na baze zaimstvovannykh elementov v sovremennom russkom yazyke: lingvokul'turologicheskii aspekt [Word-building innovations based on bor-

- rowed elements in modern Russian: a linguocultural aspect]. *Mir russkogo slova – The World of Russian Word*, 2017, no. 2, pp. 33-38. (In Russian).
13. Tumakova E.V. Kreolizovannyi tekst v khudozhestvennom i mediynom diskurse [Creolized text in art and media discourse]. *Mir russkogo slova – The World of Russian Word*, 2016, no. 2, pp. 13-19. (In Russian).
 14. Markova S.M. Rol' SMI v kreativizatsii leksikona sovremennoogo russkogo yazyka [The role of the media in the creation of the vocabulary of the modern Russian language]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta – Bulletin of Moscow Region State University*, 2017, no. 1. (In Russian). Available at: <http://www.evestnik-mgou.ru> (accessed 18.04.2020).
 15. Ratsiburkaya L.V., Toropkina V.A. Aktual'nyye kommunikativnyye tendentsii v sovremennom mediynom slovotvorchestve [Actual communicative trends in modern media creation]. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologiya, pedagogika, psikhologiya – IKBFUs Vestnik. Series: Philology, Pedagogy, and Psychology*, 2019, no. 2, pp. 41-51. (In Russian).
 16. Shcherba L.V. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language System and Speech Activity]. Leningrad, Nauka Publ., 1974, 427 p. (In Russian).
 17. Krongauz M.A., Litvin E.A., Merzlyakova V.N. et al. Slovar' yazyka interneta.ru [Dictionary of the Internet Language.ru.]. Moscow, AST-Press Publ., 2016, 287 p. (In Russian).

Информация об авторах

Сенько Елена Викторовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка. Северо-Осетинский государственный университет им. Коста Левановича Хетагурова, г. Владикавказ, Республика Северная Осетия – Алания, Российская Федерация. E-mail: sen-koelena@yandex.ru

Вклад в статью: концепция и разработка исследования, составление и коррекция содержания статьи, анализ данных и их интерпретация, написание части текста статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6951-9343>

Цахилова Луиза Валерьевна, магистрант, кафедра русского языка. Северо-Осетинский государственный университет им. Коста Левановича Хетагурова, г. Владикавказ, Республика Северная Осетия – Алания, Российская Федерация. E-mail: luzaluza@yandex.ru

Вклад в статью: сбор данных, анализ полученных результатов, написание части текста статьи.

Конфликт интересов отсутствует.

Для контактов:

Сенько Елена Викторовна
E-mail: sen-koelena@yandex.ru

Поступила в редакцию 28.04.2020 г.
Поступила после рецензирования 14.05.2020 г.
Принята к публикации 22.05.2020 г.

Information about the authors

Elena V. Senko, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Russian Language Department. North Ossetian State University named after Kosta Levanovich Khetagurov, Vladikavkaz, Republic of North Ossetia – Alania, Russian Federation. E-mail: sen-koelena@yandex.ru

Contribution: study conception and development, manuscript content compilation and correction, data analysis and interpretation, part of manuscript text drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6951-9343>

Louise V. Tsakhilova, Master's Degree Student, Russian Language Department. North Ossetian State University named after Kosta Levanovich Khetagurov, Vladikavkaz, Republic of North Ossetia – Alania, Russian Federation. E-mail: luzaluza@yandex.ru

Contribution: data acquisition, obtained results analysis, part of manuscript text drafting.

There is no conflict of interests.

Corresponding author:

Elena V. Senko
E-mail: sen-koelena@yandex.ru

Received 28 April 2020
Reviewed 14 May 2020
Accepted for press 22 May 2020